

24–26 марта 2011 г. в Санкт-Петербурге прошла конференция «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы», организованная Институтом лингвистических исследований РАН¹; первая встреча в этой серии (круглый стол «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы») состоялась весной 2009 г. в Санкт-Петербурге.

Большинство представленных докладов было посвящено рассмотрению взаимодействия семантических, прагматических и синтаксических аспектов различных явлений русского синтаксиса: как регулярных и частотных, так и периферийных. Во многих докладах и лекциях делалась попытка сравнения преимуществ и недостатков различных теоретических подходов, обсуждалась возможность совмещения лексико-семантического и конструкционного подходов при описании отдельных явлений русского языка.

Исследования, представленные на конференции, опирались на новые эмпирические данные, полученные путем обращения к корпусам русского и других славянских языков, в том числе к материалам Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru). Материалы докладов доступны на сайте ИЛИ РАН (<http://iling.spb.ru/conf/rusconstr2011.html>).

В общей сложности состоялось 29 устных выступлений, включая лекции приглашенных докладчиков, а также было представлено 9 стендовых докладов. В работе конференции принимали участие как молодые, так и опытные исследователи из научных центров России, Финляндии, Эстонии, Норвегии, Швейцарии, Германии, США и Чехии.

В качестве приглашенных лекторов выступили семь известных исследователей синтакси-

ческих явлений русского и других славянских языков: Ю.П. Князев (Санкт-Петербург/Великий Новгород), А. Мустайоки (Финляндия), Дж. Николс (США), Д. Вайс (Швейцария), М. Фрид (Чехия/США), Б.Х. Парти (США/Москва), Т.Е. Янко (Москва). В жанровом отношении выступления всех этих лингвистов совмещали в себе черты теоретических лекций и исследовательских докладов: теоретические обобщения подавались в них в связи с новыми эмпирическими данными.

Выступления остальных участников, представлявших устные или стендовые доклады, были включены в программу на конкурсной основе.

В докладе С.С. Сая (Санкт-Петербург) «“Дативный субъект” в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции?» рассматривались предикативы на -о (*холодно, нужно, стыдно, приятно*), при которых возможно употребление дативного участника (*Мне стыдно признаться в этом*). Предикативы были разделены на несколько групп в зависимости от допустимости выражения дативного участника при соотносительных с ними кратких и полных прилагательных. Автор показал, что для наиболее адекватного описания природы аргументной структуры предикативов из разных групп приходится использовать различные модели (проецирование аргумента вследствие субкатегоризационных свойств адъективной лексемы, его появление в результате деривации, привнесение самой синтаксической конструкцией).

В докладе А.В. Выдриной (Санкт-Петербург) «Препозиция и постпозиция дативного субъекта в конструкциях с глаголом *стоит* в русском языке» обсуждались бипропозиционные структуры с глаголом *стоит* (*Стоило мне только выйти на улицу, как пошел дождь*). Было показано, что линейное положение дативного участника в подобных употреблениях определяется рядом факторов (одушевленность участника, агентивность действия,

¹ Конференция была организована при содействии РФФИ (грант № 11-06-06023г).

тип связи между пропозициями); эти факторы играют роль как при синхронном выборе позиции дативного участника, так и в диахроническом развитии конструкции, в ходе которого глагол *стоит*, являясь изначально матричным глаголом, со временем приобретает сходство с союзом.

Н.М. Стойнова (Москва) представила доклад «*Опять вы со своими конструкциями!*: семантика и прагматика сочетания *вечно / опять кто-то с чем-то*». Анализ, проведенный автором, показывает, что указанная конструкция является некомпозиционной единицей со специфическими ограничениями на лексический состав и что она не может трактоваться как случай эллипсиса глаголов типа *приставать, надоедать*, поскольку конструкция охватывает более широкую семантическую зону и описывает более широкий круг ситуаций, чем предполагает семантика этих или каких бы то ни было иных отдельных глаголов.

Лекция Ю.П. Князева (Санкт-Петербург / Великий Новгород) «Русские возвратные глаголы: деривация, конструкции, списки» была посвящена возможностям теоретического осмысления связей между различными классами русских возвратных глаголов с привлечением типологических данных о семантических закономерностях развития рефлексивных конструкций. Анализируя некоторые сложные случаи соотношения возвратных и невозвратных глаголов и зависимость их интерпретации от контекста, автор приходит к выводу о том, что значительную часть структур с возвратными глаголами в русском языке целесообразнее считать конструкциями, а не результатом деривации.

С.Ю. Толдова (Москва) в докладе «Типология конструкций с возвратным местоимением *себя*» рассмотрела различные группы употреблений возвратного местоимения *себя* в НКРЯ, а также частотность каждой из групп. Исследование показало, что функция маркирования коиндексации участников, заполняющих различные валентности, т. е. собственно синтаксическая функция, зачастую по умолчанию считающаяся базовой для возвратного местоимения, не является наиболее типичной для местоимения *себя* в НКРЯ; при этом чрезвычайно распространено употребление *себя* в составе различных лексикализованных сочетаний, которые не описывают собственно рефлексивные ситуации (как в сочетаниях *представлять собой, привести себя в состояние*), что позволяет увидеть подобие между функциональным потенциалом этого местоимения и функциями, являющимися типичными для русского *-ся* (и типологически для «легких» рефлексивов вообще).

В лекции А. Мустайоки (Финляндия) «Является ли конструкция *Лодку унесло ветром* стихийной?» обсуждалась специфическая русская конструкция, в которой участник-каузатор оформляется творительным падежом, а участник-пациент является прямым объектом при глаголе. В лекции обсуждалось функционирование этой конструкции, исследованное на материале употреблений из корпуса Интегрум; выяснилось, что в качестве участника-каузатора могут выступать не только стихии, но и некоторые артефакты ('пуля', 'машина'), представляемые как не наделенные контролем силы. Детальное рассмотрение семантики конструкции и сопоставление с близкими ей конструкциями позволяют определить место «стихийной» конструкции среди других структур, выражающих сходную семантику с помощью других синтаксических средств.

В докладе А.Б. Летучего (Москва) и М.А. Холодиловой (Санкт-Петербург) «*Было пару человек*: об одной количественной конструкции в русском языке» рассматривались свойства и закономерности употребления квантификаторов типа *пару, кучу, массу* и др. в позициях, характерных для именительного падежа. Было показано, что в составе подобных конструкций квантификаторы приобретают ряд грамматических свойств числительных. Совпадение форм номинатива и аккузатива, являющееся морфологическим свойством числительных, для данных квантификаторов интерпретируется как синтаксическое, что позволяет трактовать конструкции с квантификаторами типа *пару* как неканоническое (аккузативное) подлежащее.

В докладе Я.Г. Тестельца (Москва) «Несклоняемые именные конструкции в русском языке и гипотеза "накладывающихся падежей"» обсуждались именные структуры, способные выступать только в позициях, доступных для именительного и винительного падежей: существительные с наречными кванторами типа *много, достаточно*, дистрибутивная группа с предлогом *по*, редуцированные существительные с *за* и др. Синтаксические свойства этих сочетаний рассматривались на фоне различных случаев конфликта падежей - ситуации, при которой «один и тот же склоняемый элемент подпадает под более чем одно правило выбора падежа».

Доклад М.А. Овсянниковой (Санкт-Петербург) «Оформление актантов глаголов "отрицательных эмоций" в русском языке в синхронии и диахронии» был посвящен синхронным и диахроническим аспектам кодирования участников при глаголах *сердиться, сетовать, обижаться* и при других глаголах этой группы, допускающих оформление участ-

ников с помощью предлога *на* (*сердиться на Петю, сердиться на ошибку Пети*) или предлогов *на* и *за* (*сердиться на Петю за ошибку*). Трактую вторую из возможных для этих глаголов аргументных структур как расщепление валентности на Стимул, автор предлагает совмещение этого подхода и конструкционно-го анализа данных аргументных структур для описания функционирования глаголов «отрицательных эмоций» в синхронии и диахронии.

С.А. Оскольская (Санкт-Петербург) выступила с докладом «Конструкции со словом *помимо* в русском языке», в котором свойства предлога *помимо* рассматривались в сопоставлении с близким ему семантически предлогом *кроме*. Было установлено, что, хотя оба предлога имеют и значение ‘за исключением’, и значение ‘в добавление’, распределения частотности употребления в двух значениях в НКРЯ для этих предлогов различны: если предлог *помимо* употребляется в значении ‘в добавление’ в большей части примеров, то предлог *кроме* используется в значении ‘за исключением’ чаще. Различные употребления предлогов *кроме* и *помимо* автор рассматривает как своего рода конструкции с заданной семантической структурой и лексически фиксированным элементом – предлогом.

Лекция Дж. Николс (США) «Prefixed and unprefixed spray / load verbs in Russian: derivations or constructions?» была посвящена сопоставлению таких трехместных конструкций, в которых в позиции прямого дополнения оказывается перемещаемый объект (в одной из современных терминологических систем обозначаемый как «тема», ср. *загрузить сено на телегу*), и таких, где прямым дополнением оказывается конечная точка («цель», ср. *загрузить телегу сеном*). На материале нескольких словообразовательных гнезд русских глаголов, демонстрирующих такую конкуренцию, было показано, что префиксация глагола может блокировать одну из конкурирующих конструкций или менять их частотное соотношение. На основании различных свидетельств (синхронных и исторических) был сделан вывод о том, что конструкция с объектом-темой является лексически базовой для рассмотренной группы русских глаголов, при этом наиболее адекватный анализ структуры с объектом-целью – это трактовка ее как самостоятельной конструкции (в терминологическом смысле).

В докладе Н.Е. Шапнявской (Санкт-Петербург) «Актуализация конструкции с предлогом *в* в поэтических текстах М. Крепса и И. Бродского» были проанализированы синтаксические функции структур с предлогом *в* и их связь с ситуациями и образами, характерными для творчества этих авторов. Были

показаны сходства и различия в употреблении данных конструкций в поэзии М. Крепса и И. Бродского.

В докладе «Что-то как-то непонятно: типология контекстов дискурсивного употребления местоимений» А.Б. Макарова и С.В. Соколова (Норвегия) на примере местоимений *такой* и *какой-то* показали возможные системы организации дискурсивных значений местоимений. Выяснилось, что в случае указательных и неопределенных местоимений возможны три степени функционального удаления от базовой конструкции. При этом чем дальше от базовой оказывается конструкция с указательным или неопределенным местоимением, тем менее регулярна эта конструкция и тем больше ограничений на типы предикатов у нее обнаруживается.

В.П. Щаднєва и Ю.С. Кудрявцев (Эстония) в докладе «Структурно-семантические и дискурсивные особенности предложений с начальной частицей *куда*» рассмотрели четыре типа конструкций с начальной частицей *куда*. Классификация этих типов основывается на наличии в предложении инфинитива и существительного или местоимения в дательном падеже: к первому типу относятся предложения, в которых присутствуют оба элемента (*Куда тебе переплыть!*); в предложениях второго типа содержится только инфинитив (*Куда тут работать!*); в предложениях третьего типа — только существительное или местоимение в дательном падеже (*Куда им!*); в предложениях четвертого типа отсутствуют оба элемента (*Куда там!*). Во всех названных случаях допустимо наличие «факультативных усилителей» типа *уж, там* и др. Кроме того, обсуждались особенности употребления изучаемых структур в монологической и диалогической речи.

В лекции Д. Вайса (Швейцария) «Глагольная сериализация? Русские двойные (тройные, ...) глаголы» были подробно рассмотрены различные аспекты функционирования в русском языке таких цепочек глагольных словоформ, как, например, *ели-пили, били-не жалели, попробуй отбери, стоит смотрит*. Были выделены свойства прототипической «сериальной» конструкции: по синтаксическим и просодическим характеристикам цепочка глагольных форм обладает слитностью, а в семантическом отношении она обозначает одно действие. Автор показал, что в зависимости от степени фразеологической связанности конструкция может проявлять свойства сериальной в большей или меньшей степени. Так, для полных фразем (например, *жил-был*) оказывается невозможной инверсия (**был-жил*). Кроме того, обсуждалась гипотеза о том, что двойные глаголы возникли под влиянием финно-угор-

ских языков. Были приведены результаты исследования степени грамматикализации разных двойных глаголов в современном русском языке (ср., например, употребление глагола *ходить* как маркера дуративности: *весь день читает ходит*).

Обсуждение двойных глаголов продолжила А.В. Леонова (Новосибирск), представив доклад «Семантическая доминанта и модальные оттенки конструкции *взять сделать*». Было проанализировано пять разновидностей этой конструкции (*взял X-овал; взял, X-овал; взял и X-овал; взял да X-овал; взял да и X-овал*), а также ее употребления с квазиимперативом (*А он возьми и брякни*). На примере этих вариантов А.В. Леонова показывает разные этапы грамматикализации конструкции *взять сделать* и выявляет импликацию, общую для всех типов: действие, названное основным глаголом, противоречит ожиданиям говорящего.

Отдельное заседание конференции, посвященное обсуждению относительных предложений, открыла лекция М. Фрида (Чехия/США) «Slavic relative clauses: the case of absolutive relativization in Czech». Автором были детально рассмотрены свойства относительных конструкций чешского языка, вводимых элементом *co*. В отличие от основного маркера релятивизации (относительного местоимения *který*), *co* не имеет падежных форм. Подобные конструкции обычно упоминаются в грамматиках славянских языков как маргинальные структуры, находящиеся на периферии грамматической системы. На обширном корпусном материале было показано, что предполагаемые в литературе ограничения на использование этой стратегии релятивизации (рестриктивность, релятивизация только позиций подлежащего или прямого дополнения, одушевленность вершинного имени и т. д.) в действительности не являются грамматическими ограничениями в узком смысле слова, скорее оказываясь предпочтениями, следующими из дискурсивных характеристик этих конструкций. Также был рассмотрен вопрос о том, почему аналогичные стратегии релятивизации, не являясь центральными, все же систематически фиксируются, заполняя особую функциональную нишу, в самых разных славянских языках (ср. в русском *девушка, что я люблю*).

Доклад Е.А. Лютиковой (Москва) «Рестриктивные и аппозитивные относительные предложения в русском языке: структура и семантика» был посвящен различиям рестриктивных и аппозитивных относительных предложений. В первой части доклада подробно рассматривались структурные и просодические свойства рестриктивных и аппозитивных относительных предложений, а также интерпрета-

ция местоимения *который* в их составе. Во второй части доклада был предложен анализ относительных предложений разных типов, в соответствии с которым внутренняя структура рестриктивных и аппозитивных относительных предложений оказывается различной, относительные предложения в зависимости от типа занимают различные структурные позиции по отношению к главному, а союзное слово *который* выполняет в них различные функции.

О.В. Митренина (Санкт-Петербург) в докладе «Конструкции с местоимением *который* в русском языке XVII – нач. XVIII века» сравнивает конструкции с местоимением *который* в русском языке XVII – нач. XVIII века с коррелятивными конструкциями современного русского языка и выделяет несколько различий между ними. Так, например, в современном русском языке невозможно употребление личного местоимения или слов типа *многие* или *иные* вместо указательного местоимения в главном предложении, что было возможно в русском языке XVII – нач. XVIII века. Синтаксические свойства коррелятивных конструкций О.В. Митренина объясняет тем, что слово *который* первоначально функционировало как детерминатор или неопределенное местоимение, аналогичное современному русскому местоимению *кое-какой*.

В стендовой секции конференции было представлено девять докладов. Д.В. Герасимов (Санкт-Петербург) в докладе «Универсальные фокусные кванторы в русском языке: *по крайней мере* и *хотя бы*» обращает внимание на то, что единицы *по крайней мере* и *хотя бы* употребляются как фокусные кванторы, т. е. как «единицы, которые осуществляют квантификацию над множеством возможных альтернатив пропозиции, попадающей в их сферу действия». Автор уточняет и дополняет анализ этих единиц, сделанный В.Ю. Апресян, отмечая при этом, что для одного из употреблений единицы *хотя бы* существенную роль играют шкала вероятности и шкала желательности для говорящего.

И.В. Дубровина (Ульяновск) в докладе «Усвоение квазисинонимичных предложных конструкций: конструкционный подход» показывает, что квазисинонимичные предложные конструкции усваиваются ребенком целиком, как отдельные единицы языка, обладающие своей семантикой. Материалом для исследования служат данные изучения трех групп предложных конструкций русского языка: конструкций с предикатами речемыслительного действия (*говорить о/про X*), конструкций с предикатами «горестного чувства» (*скучать о/по X*) и конструкций с предикатами контактно-направленного действия (*бить в/по X*).

Е.В. Ягунова и Л.М. Пивоварова (Санкт-Петербург) в докладе «Коллокации и конструкции в исследовании структуры текста» представили результаты анализа сочетаний лексических единиц, полученных на основании статистических критериев и экспериментов с информантами. При этом оказалось, что набор сочетаний, выявленных путем вычислительных методов, сходен с набором сочетаний, выделяемых при помощи экспериментов с информантами.

Доклад Е.Н. Соколовой (Москва) «Нет в русском языке: разрешение неоднозначности при решении задач автоматической обработки текстов» был посвящен различным типам употребления слова *нет* в русском языке, выявленным благодаря опыту работы с лингвистическим процессором ЭТАП-3. Автор выделяет и подробно рассматривает четыре группы функций лексики *нет*: глагол, управляющий подлежащим в родительном падеже (*денег нет*); «местоимение», которое воспроизводит семантику упомянутого ранее глагола (*Я вчера помыл посуду, а сегодня нет*); «слово-предложение», которое целиком употребляется как клауза (*Вася купил книгу или нет?*); частица, которая употребляется при ответе на общий вопрос.

В.В. Баранова (Санкт-Петербург) в докладе «В чем считать? Конструкция счета *X штук N_{ген}* в русском языке» рассматривает счетную конструкцию *X штук N_{ген}*, а также родственные ей конструкции *X душ N_{ген}* и *X человек N_{ген}*. Выясняется, что употребление последних двух конструкций сокращается, а конструкция *X штук N_{ген}*, несмотря на свою распространенность, обнаруживает ограничения на сочетаемость с существительными некоторых типов в соответствии с иерархией одушевленности (так, эта конструкция никогда не употребляется с именами собственными).

М.А. Даниэль (Москва) в докладе «Второй родительный: а corpus story» проследил на материале НКРЯ динамику употребления второго родительного (*две бутылочки лимонаду, поел луку, ни шагу, из дому*) в текстах начиная с XIX века и поставил под сомнение адекватность его расхожей трактовки этой формы как партитивной. Выяснилось, что общая частотность употреблений второго родительного в рассмотренный период сокращается, однако происходит это преимущественно за счет уменьшения лексического разнообразия единиц, используемых в этой форме, при этом формы второго родительного некоторых отдельных существительных, особенно в составе устойчивых оборотов, в частотности не теряют. Делается вывод о тенденции к лексикализации этой формы. Помимо этого показано, что партитивные употребления составляют

лишь относительное большинство вхождений второго родительного в НКРЯ и что при этом их доля падает со временем.

А.А. Байдимирова и С.В. Соколова (Норвегия) представили доклад на тему «Роль конструкций в определении значений приставки: корпусное исследование приставки ЗА-». Было показано, что для определения значения приставки важен не только принцип центр-периферия, но и ряд других факторов, в частности, семантика глагольной основы (так, наиболее грамматикализованные значения приставки *за-* возникают из ее сочетания с глаголами непространственной семантики: *за-кричать*). Одним из определяющих факторов значения приставки оказывается тип синтаксической конструкции.

В докладе А.-Ю. Кюрёляйна (Финляндия) «Building conceptual spaces: modeling the Russian reflexive constructions (-ся) with random forests and clustering» был предложен новый статистический метод анализа предсказуемости семантических свойств единиц по характеристикам их окружения. В качестве материала использовалась выборка русских возвратных глаголов, разделенных по семантическому критерию на 17 классов (собственно рефлексивы, реципроки, пассивы и т.д.). Далее выборка естественных примеров была размечена по множеству из 29 морфосинтаксических переменных (наличие актантов в определенных формах, их онтологические характеристики, порядок слов и т.д.). В результате была получена модель, которая с высокой степенью надежности способна предсказать тип семантической интерпретации глагола по свойствам контекста. Полученные результаты вписываются в контекст достижений Грамматики конструкций: утверждается, что семантическая классификация рефлексивных глаголов – это по сути дела анализ не лексических единиц как таковых, а опознаваемых носителями языка конструкций, наделенных собственной типовой структурой и значением.

Ю.Л. Кузнецова (Норвегия) в докладе «Статистический профиль как отражение семантических ограничений» демонстрирует новый метод анализа конструкций – с помощью статистического профиля. Статистический профиль – «список лексем, наиболее частотных в заданном слоте». Автор показывает, как этот метод позволяет выявить семантические запреты и предпочтения той или иной конструкции, а также определить, является ли некоторое сочетание конструкцией.

В устном докладе Е.Л. Вилинбаховой (Санкт-Петербург) «О конструкции вида *муж такой муж* в русском языке (на материале интернет-источников)» были выявлены разновид-

ности употребления изучаемой конструкции, различающиеся как по семантике (от обозначения эталонного представителя некоторой группы до выражения значения интенсивности проявления признаков, ассоциирующихся с той или иной группой), так и по синтаксическому потенциалу (в одних случаях конструкция функционирует в качестве сложной именной группы, в других она используется предикативно). Было показано, что между этими двумя параметрами имеется систематическая связь. Свойства изучаемой конструкции рассматривались в контексте других «тавтологических» синтаксических идиом русского языка; также был выявлен вклад, приносимый в конструкцию лексической единицей *такой*.

В докладе А. Мёль (Швейцария) «Средства синтаксической аппроксимации в размерно-количественных конструкциях русского языка» были проанализированы различные структуры, при помощи которых в русском языке может быть выражена семантика приблизительного количества или приблизительного размера: инверсия в группе числительного (*дня три*), обозначение диапазона (*два-три дня*), предложно-падежные конструкции размера с эллипсисом параметрического имени (*дыра с ладонь*). При этом все они рассматривались как компоненты единой системы. В докладе были выявлены сходства и различия между анализируемыми структурами, при этом особое внимание уделялось мотивированности синтаксических средств выражения аппроксимации (инверсии и эллипсиса).

М.Д. Воейкова (Санкт-Петербург) в докладе «Формирование и распад конструкций в свете лингвистических теорий, основанных на употреблении, или почему *лицом к стене*, но *руки на затылок*» рассмотрела вопрос о факторах диахронического развития и консервации синтаксических конструкций на материале синтаксических идиом двух типов: конструкций типа *руки на затылок* и различных модификаций proverbialного *Кесарю кесарево, а Божие Богу*. Было показано, что употребление синтаксической конструкции могут быть в большей или меньшей степени увязаны с описанием определенных ситуативных сценариев (инструкции при гимнастике, захват), а диахронические грамматические изменения могут отчасти следовать смене внеязыковых реалий. На примере рассмотренных конструкций также были поставлены некоторые методологические проблемы, возникающие при работе в НКРЯ, и намечены пути их решения. Кроме того, была проиллюстрирована возможность воздействия синтаксической структуры конструкции на появление словообразовательных инноваций, ср. *отдайте кесарю кесарево*,

пенсionеру пенсionерово, ветерану ветераново (НКРЯ) и т. п.

В своей лекции «Where lexicon, syntax, semantics and pragmatic implicatures meet: the genitive of negation and the genitive of intentionality in Russian» Б.Х. Парти (США/Москва) предложила унифицированный анализ конструкций с субъектным генитивом отрицания (*ответа не пришло*) и с объектным генитивом в интенциональных контекстах (*он ждал автобуса*). Особое внимание было уделено семантике предикатов в таких структурах; в частности, было показано, что в большинстве контекстов с субъектным генитивом отрицания наблюдается ситуативная синонимия лексического глагола экзистенциальному *быть* применительно к некоторой локализации (ср. *не белело парусов на горизонте*). Были выявлены случаи различий в семантической интерпретации предикатов в зависимости от выбора падежа (*Маша не видна* и *Машин не видно*; *они ждут начальницу* и *они ждут начальницы*). Во всех подобных случаях выбор генитива рассматривается как выбор диатезы с понижением актанта. Также была предложена модель формализации изучаемого выбора в терминах семантических типов, отражающая, среди прочего, и различия в референциальном статусе альтернирующих именных групп.

Е.В. Падучева (Москва) проанализировала в своем докладе «*Мало ли кто* и другие маргинальные предикативные конструкции» сеть конструкций русского языка, связанных с квантификацией (ср. *негде было спать, мало где можно спать, мало ли где можно спать*). Было показано, что параллелизм между этими структурами оказывается во многом мнимым; в частности, различаются наборы возможных в них вопросительных местоимений (ср. *мало чьим занятиям*, но **нечьим занятиям*). Структуры с *ли* можно интерпретировать как результат взаимодействия семантики риторического вопроса и структуры типа *мало что*: *мало ли что* как риторический вопрос предсказуемо может приобретать антонимичное прочтение 'много чего было или могло быть'. Однако подобными предсказуемыми композиционными эффектами возможности результирующей конструкции не ограничиваются: так, конструкция *мало ли что* самостоятельно развивает семантические оттенки безразличия, эпистемической неуверенности, а также свойство синтаксической неподчинимости.

В лекции Т.Е. Янко (Москва) «Русские вокативные конструкции» было показано, что формальные и содержательные параметры русских вокативных конструкций (*Дорогой Вася, Эй на барже, Ва-ся-я, Подвинься*) связаны с условиями дискурсивного употребления об-

ращений. В частности, было показано, каким образом и лексическая семантика, и просодия, и некоторые элементы синтаксиса обращений выводятся или как минимум согласуются с иллокутивной функцией и прагматической ситуацией, в которой обращение фигурирует. Рассматривались грамматические и просодические корреляты противопоставления первичной функции апелляции и других, не собственно апеллятивных, функций обращений. Была предложена иерархия имен, реферирующих к человеку, по степени выраженности их «вокативного потенциала». Особое внимание уделялось обсуждению некомпозиционных аспектов устройства вокативных конструкций, например, использованию в составе обращений согласованных прилагательных (*дорогой, уважаемый, милый*) с лексемами, имеющими слабый вокативный потенциал. Для интерпретации подобных некомпозиционных явлений было предложено использовать конструкционный подход.

Н.В. Сердобольская (Москва) представила доклад «Критерии разграничения бессоюзных и вводных предложений с ментальными глаголами в русском языке». Было показано, что два названных типа структур, не будучи жестко противопоставленными, все же различаются по ряду параметров: морфологических, синтаксических, семантических (вводные конструкции демонстрируют ряд нетривиальных ограничений по этим параметрам). Особое внимание уделялось просодическим различиям: дело в том, что в литературе по рассматриваемой проблематике преимущественно изучались письменные тексты и зачастую конструкции разграничивались на основе пунктуационных критериев. Автор пришел к выводу, что в спонтанной речи можно найти определенные просодические корреляты «конструкций с запятой» (*я думаю, история изобретена для успокоения человечества*) и «конструкций с двосточием» (*а я вижу его и думаю: сейчас разревусь*).

В докладе С. Бирцер (Германия) «Мультифункциональность в дискурсе: вообще говоря» на корпусном материале рассматривалась система функций названной дискурсивной единицы в русском языке. Было продемонстрировано, каким образом из центрального употребления этой единицы в качестве «реформулирующего коннектива» могут развиваться другие функции, связанные с выражением оценок говорящего и, шире, с тематической организацией дискурса. В докладе также были сопоставлены функции, реализуемые в первичной для данной единицы устной речи и в письменных текстах, и намечена возможная

семантическая карта для подобных единиц в славянских идиомах.

Доклад М.В. Копотева (Финляндия) «Эволюция русских маркеров ренарратива. Часть 2: *как бы, якобы* и т. п.» представлял собой продолжение дискуссии, начатой тем же докладчиком в ходе конференции 2009 года. На этот раз в поле зрения попали маркеры эвиденциальной зоны, которые так или иначе связаны с выражением идеи сравнения, как существующие в современном русском языке, так и существовавшие на более ранних этапах его развития: *окопо, якобы, как бы, типа*. Было показано, что в своем развитии эти единицы проходят во многом подобные этапы, связанные с синтаксическим переразложением исходных сравнительных конструкций, при этом они в целом относительно быстро сменяют друг друга в составе системы маркеров ренарратива и близких эвиденциальных значений.

Завершил конференцию доклад А.Б. Летучего и Е.В. Рахилиной (Москва) «Значение конструкций в грамматике и грамматика в значении конструкций», в котором был отражен фрагмент большого проекта, посвященного изучению «квазиграмматических» конструкций русского языка, т. е. конструкций, выражающих значения, похожие на значения грамматических маркеров в других языках (время, аспект, модальность и т. п.). В данном выступлении речь шла о конструкциях предикатной множественности (повторяемости ситуации): *с него станется, нет-нет да и, направо и налево, на каждом шагу, то и дело, сплошь и рядом*. На этом материале обсуждался вопрос о том, как в принципе в русском языке функционируют подсистемы конструкций с близкими квазиграмматическими значениями, каким образом в диахронии меняется их частотность (было показано, что каждая из рассмотренных конструкций резко увеличивала свою частотность в определенный момент времени). В результате авторам удалось выявить черты, сближающие процессы развития конструкций с привычными явлениями грамматикализации, но в то же время и определить такие свойства, которые различают эти два типа диахронических процессов.

Большинство докладов и лекций вызывало живую продуктивную дискуссию, часто продолжавшуюся в кулуарах. Следует признать, что конференция соответствовала замыслу организаторов в «эмпирическом» аспекте: представленные исследования значительно углубляют наше понимание устройства синтаксических структур русского языка, в том числе и таких, которые ранее не попадали в полной мере в поле рассмотрения лингвистов. Что же касается теоретической задачи, заявлен-

ной в самом начале при организации конференции и отраженной в ее названии, то она во время дискуссий получила несколько неожиданное преломление. Как представляется, большинство докладчиков ушли от выбора между двумя, казалось бы, противоречащими друг другу подходами. Напротив, во многих случаях обнаруживалось, что исследователи осознанно совмещали в своей работе достижения композиционных синтаксических подходов (часто выводящих синтаксическую сочетаемость из лексическо-семантических свойств компонентов) и конструктивных подходов. Говорит ли такая картина о том, что исследователям русского синтаксиса в дальнейшем следует стремиться к большей методологической ясности интерпретаций языковых явлений, или о том, что сами обсуждаемые подходы в действитель-

ности не столько исключают, сколько дополняют друг друга, покажет время. Предварительно следующая конференция в серии запланирована на весну 2013 года.

*М.А. Овсянникова, С.А. Оскольская,
С.С. Сай*

Сведения об авторах:

Институт лингвистических
исследований РАН

Мария Александровна Овсянникова

masha.ovsjannikova@gmail.com

Софья Алексеевна Оскольская

sonypolik@gmail.com

Сергей Сергеевич Сай

serjozhka@yahoo.com